

Влияние процессов централизации и децентрализации на формирование налогового потенциала территорий¹

Ключевые постулаты экономической теории и успешные примеры мировой практики свидетельствуют о необходимости стимулирования экономического роста территорий такими налоговыми инструментами, которые позволяют эффективно формировать и расширять налоговый потенциал регионов и муниципальных образований. Гипотеза этого исследования заключается в том, что умеренно децентрализованный характер распределения налоговых доходов способствует повышению эффективности формирования налогового потенциала регионов. В статье использованы методы группировки, выборки, обобщения, компаративистский подход. Развита методические аспекты исследования формирования налогового потенциала субнационального уровня. Рассмотрены масштабы централизации и децентрализации налоговых доходов в РФ за 2006–2018 гг. На основе группировки регионов РФ исследована пропорция соотношения перечисленных в федеральный бюджет и собранных на территориях налоговых доходов. Выделено по формальному признаку шесть групп регионов. Вследствие расширения группы регионов с долей федеральных налогов свыше 50 % и увеличения максимальной доли налоговых перечислений в федеральный бюджет на 10 % централизация налогов усилилась. В 53 % регионов свыше 30 % налогового потенциала перечислялось в федеральный бюджет. Наилучшие бюджетные показатели (уровень долговой нагрузки менее 30 %, уровень дефицитности бюджета менее 4 %, рост бюджетных доходов 7–9 %) присущи территориям с долей налоговой централизации 15–30 %. При иных значениях сокращаются возможности роста бюджетных расходов, возрастает уровень дефицита или долговой нагрузки. В дальнейшем планируется выработать комплекс мер повышения эффективности формирования налогового потенциала регионов и муниципалитетов. Представляется, что предложенные методические разработки позволят восполнить пробелы в теоретико-методическом осмыслении проблем повышения эффективности формирования налогового потенциала. Результаты исследования могут быть использованы при обосновании и реализации нормативно-правовых актов бюджетно-налогового характера.

Ключевые слова: децентрализация, централизация, развитие территорий, финансовые механизмы, экономический рост, стимулирование, налоговый потенциал, налоговое распределение, межбюджетные отношения, фискальный федерализм

Благодарность

Исследование подготовлено при финансовой поддержке Гранта Президента РФ №МК-2003.2020.6 «Финансовые механизмы стимулирования муниципального развития в контексте обеспечения экономического роста государства».

Для цитирования: Печенская-Полищук М. А. Влияние процессов централизации и децентрализации на формирование налогового потенциала территорий // Экономика региона. 2021. Т. 17, вып. 2. С. 658-672. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-2-22>

¹ © Печенская-Полищук М. А. Текст. 2021.

RESEARCH ARTICLE

Mariya A. Pechenskaya-Polishchuk

Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0002-6067-2103>, e-mail: marileen@bk.ru**The Influence of Centralisation and Decentralisation Processes on Regional Tax Potential**

The need to stimulate economic development using policy instruments to enhance the tax potential of regions and municipalities is supported by key postulates of economic theory and successful examples of international practice. It is hypothesised that decentralising the distribution of tax revenues contributes to an increase in regional tax potential. In order to examine this problem, methods of grouping, sampling, generalisation and comparison are used. Methodological aspects of the study of tax potential at the sub-national level are presented. The scope of both centralisation and decentralisation processes affecting tax revenues in the Russian Federation for 2006–2018 is considered. The proportion of tax revenues transferred to the federal budget and collected at the regional level is investigated on the example of six Russian regional groupings. An expansion of the group of regions whose federal taxes are more than 50 % along with a 10 % increase in transfers to the federal budget led to greater centralisation. Out of the considered regions, 53 % transferred over 30 % of their tax potential to the federal level. It was revealed that regions whose tax centralisation is approximately 15–30 % have the best budget figures (debt burden of less than 30 %, budget deficit of less than 4 %, 7–9 % budget revenue growth). Continuing research aims to develop measures for increasing regional tax potential. The obtained findings can be used to substantiate and implement regulatory legal acts concerning budget and tax issues.

Keywords: decentralisation, centralisation, territorial development, financial mechanisms, economic growth, incentives, tax potential, tax distribution, inter-budgetary relations, fiscal federalism

Acknowledgments

The article has been prepared with the support of the Grant of the President of the Russian Federation No. MK-2003.2020.6 “Financial mechanisms of stimulating municipal development in the context of providing the economic growth of the state”.

For citation: Pechenskaya-Polishchuk, M.A. (2021). The Influence of Centralisation and Decentralisation Processes on Regional Tax Potential. *Ekonomika regiona [Economy of region]*, 17(2), 658–672, <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-2-22>

Введение

Государственные задачи социально-экономической модернизации и обеспечения национальной безопасности России и ее регионов и муниципальных образований, обозначенные в новых указах Президента и различного рода стратегиях, с одной стороны, предполагают значительный рост бюджетных расходов, с другой стороны, в условиях сложной внешнеполитической ситуации усиливают требование опоры на собственные бюджетные источники, которые более чем на 60–70 % обеспечены налоговыми поступлениями. Это указывает на приоритетность наращивания налоговых доходов в рамках национальной политики.

Как справедливо отметили ученые КНЦ РАН [1], перспективы развития региональной и муниципальной экономик и социальной сферы во многом предопределяются достигнутым уровнем налоговых доходов как отражением результата реализации территориального налогового потенциала. Налоги являются важнейшими регуляторами темпов и пропорций финансирования различных секторов экономики, а также условий общественного развития. Ключевую роль налогов подтверждают базовые экономические теории. К примеру, классическая политическая экономия полагала, что эффективная реализация за-

дач государства и преобразований общества может быть осуществлена главным образом с помощью грамотной налоговой политики [2]. Представителям экономики предложения (А. Лаффер, М. Фелдштейн, Дж. Гилдер) удалось объяснить взаимосвязь ставок налогов, бюджетных доходов и налоговой базы [3], а сторонники статистической теории (Э. Селигман, И.Я. Горлов, А. Вагнер) предложили методический инструментальный расчет налоговой нагрузки на оптимальном уровне [4–5]. Теоретики кейнсианства и неоклассического синтеза (П. Самуэльсон, Дж. Хикс, В. Леонтьев) во влиянии на характер течения экономического цикла отводили особое место налогам как основным автоматическим (встроенным) стабилизаторам недискреционной фискальной политики [6, 7].

Опыт зарубежных стран, таких как США, Канада, Япония, а также стран Евросоюза, свидетельствует о реализации задач промышленной, внешнеэкономической, социальной, аграрной и иной государственной политики при помощи реформирования налоговых систем. Не вдаваясь в положительные или отрицательные последствия, в качестве таких примеров можно привести налоговые реформы США в 1980–1990-е гг., проведенные с учетом обоснованной в теории экономики предложе-

ния зависимости между величиной налоговых ставок и уровнем производства. В 2009 г.¹ переориентация налоговой политики США с максимизации налоговых поступлений в центр на максимизацию стимулирования экономики приостановила развитие финансово-экономического кризиса и в течение 6 лет обеспечила темп прироста реального ВВП с $-2,8$ до $2,4$ % и снижение уровня безработицы с $9,3$ до $6,2$ %².

При исследовании тематики налогового потенциала как совокупности максимально возможных налоговых поступлений в бюджет в сложившихся условиях хозяйствования на первый план выходят вопросы его роста. В.В. Ольховик считает [8], что возможен рост за счет развития инвестиционного климата и мобилизации дополнительных налоговых доходов. Коллектив авторов [9] выяснил, что неравенство издержек по сбору налоговых поступлений в различных секторах экономики свидетельствует о влиянии ее отраслевой структуры на налоговый потенциал. Ряд исследователей акцентировали внимание на социальных, политических и культурных факторах роста налогового потенциала. Так, Л. Вейс обозначил условия готовности населения к уплате налогов [10], а экономисты Р. Бёрд, Дж. Мартинес-Васкес, Б. Торглер сфокусировались на зависимости налогового потенциала от значимости общественного мнения при принятии политических решений [11].

Выделяя внешние и внутренние, главные и второстепенные причины, отечественные и зарубежные исследования, по сути, показали ключевое влияние на налоговый потенциал триады факторных признаков:

1) исходные позиции развития территории — к ним следует отнести природно-климатические условия, географическое положение, ресурсно-сырьевую базу, демографические особенности и т. д.;

2) внешнее императивное и конъюнктурное воздействие, в частности инфляция, цикличность экономической динамики, нормативно-правовые ограничения, институциональные стимулы и др.;

3) эффективность внутреннего управления первым факторным признаком в условиях действия второго (например, условия и каче-

ство жизни населения, система территориального хозяйствования, расширение использования ресурсно-сырьевой базы, создание условий для развития человеческого капитала, усиление степени диверсификации структуры экономики, формирование налоговых конкурентных преимуществ, содействие распространению идеологии социальной ответственности общества, результативная борьба с теневой экономикой, рост уровня собираемости налогов, активное межрегиональное сотрудничество и частно-государственное партнерство и т. д.).

При этом важно исходить из обусловленности по теории общественных финансов названных факторных признаков моделью фискального федерализма [12], действующей в качестве верхнего надстроечного уровня и проявляющейся в диалектике и практической реализации принципов централизации и децентрализации. По мнению Ч. Шармы [13], фискальный федерализм содействует конструкции финансового взаимодействия между центральными и субнациональными уровнями, а фискальная децентрализация относится к важнейшему принципу фискального федерализма. Успешный опыт развитых стран показывает, что оптимальный баланс интересов при распределении финансовых ресурсов способствует эффективному формированию и использованию налогового потенциала на всех уровнях иерархии управления. Исходя из этого, существенно возрастает необходимость исследования вопросов формирования налогового потенциала под действием принятых надстроечных принципов фискального федерализма.

Предметом научных изысканий многих зарубежных и отечественных ученых стали именно вопросы налоговой централизации и децентрализации, что связано с высоким уровнем теоретической и прикладной значимости данной темы. На наш взгляд, следует углубиться в типологическое изучение территорий формирования налогового потенциала исходя из принятых моделью фискального федерализма пропорций вертикального налогового распределения.

Теоретическая база исследования

Отметим, что понятие «фискальный федерализм» (*fiscal federalism*) впервые введено в 1959 г. американским экономистом Р.А. Масгрейвом и отражало межуровневые и межтерриториальные различия в предоставлении публичных услуг и уровне налогообло-

¹ В феврале 2009 г. была принята антикризисная программа Администрации Б. Обамы «План американского возрождения и реинвестиций», треть которой ($\approx 1,7$ % ВВП) заключалась в налоговом стимулировании экономики.

² Составлено и рассчитано по данным Bureau of Economic Analysis (www.bea.gov) и Congressional Budget Office (www.cbo.gov; дата обращения: 30.01.2020).

Таблица 1

Основные характеристики вертикального налогового распределения в мировой практике

Table 1

Main characteristics of vertical tax distribution in international practice

Модель фискального федерализма	Регулирующие налоги	Закрепленные налоги	Примеры государств
Централизованный	Определены на длительный период	Закрытый перечень	Республика Индия, Боливарианская Республика Венесуэла
Децентрализованный	Отсутствуют	Открытый перечень	Соединенные Штаты Америки, Босния и Герцеговина, Королевство Бельгия, Республика Южный Судан
Кооперативный	Установлены конституционно	Устанавливаются в процессе согласования	Федеративная Республика Германия, Австрийская Республика, Швейцарская Конфедерация

Составлено по [22].

жения [12]. Исследуя распределение финансовой ответственности за обеспечение общественными благами между уровнями власти, он отмечал, что общественные услуги национального характера должны предоставляться на уровне центрального правительства, а услуги региональной выгоды должны обеспечиваться правительствами более низкого уровня [12]. В налоговом контексте данный постулат развивает М.Р. Пинская, фокусируясь на управлении налоговыми потоками по иерархическим уровням бюджетной системы на принципах справедливости для обеспечения рационального перераспределения финансовых ресурсов в процессе создания общественных благ [14]. А.А. Пугачев доказывает определяющую роль налогового федерализма по отношению к его объемно-структурным характеристикам, и наоборот, воздействием налогового потенциала на развитие налогового федерализма [15].

Если в англоязычной литературе используется термин «*fiscal federalism*», то в отечественной до сих пор существует несколько переводов (фискальный федерализм, бюджетный федерализм, финансовый федерализм), а также используются его частные составляющие (бюджетно-налоговый федерализм, налоговый федерализм). В своем исследовании мы будем придерживаться следующего понятийного аппарата. Во-первых, согласимся с доводами доктора юридических наук Н.М. Добрынина [16, 17] и исследователями УрГЭУ [18] о тождественности трех вышеназванных русскоязычных категорий: фискальный, бюджетный и финансовый федерализм. Во-вторых, при раскрытии сущности фискального федерализма будем исходить из его связи с постулатами теории неинституциональной экономики, в центре которой поставлен индивид [19], поскольку важнейший критерий эффективности госу-

дарственного управления состоит в конечном итоге в качестве предоставления публичных услуг [20].

Практика федеративных государств показала, что первичное распределение (вертикальное налоговое выравнивание) может быть подчинено в большей степени принципам централизации, децентрализации или кооперации (табл. 1). В первом случае акцент делается на необходимости обеспечения макростабильности и макроуправляемости государства, во втором — на стимулировании эффективного саморазвития территорий и повышении ответственности за управленческие решения на местах [21]. Кооперационная модель подразумевает обязательность согласовательных процедур разными сторонами.

Вопросы влияния выбора того или иного принципа на региональное развитие исследовались в рамках теории общественных финансов. Так, Ч.Тибу в 1956 г. в работе «Чистая теория местных расходов» обосновал, что в условиях административно-территориального многообразия и миграции населения бюджетная децентрализация способствует парето-улучшениям посредством создания предпосылок к оптимальному выбору необходимых территориальных общественных благ и их стоимости, определяемой суммой уплаченных налогов [23]. Позже У.Оатс сформулировал теорему о том, что децентрализованное принятие решений о предоставлении региональных публичных услуг эффективнее централизованного при условии снижения государственных затрат [24]. По мнению А. Бретона, изучавшего так называемые ошибки децентрализации, она неэффективна при высоких затратах на межуровневую координацию [33].

Отечественные исследователи проблематики налогового федерализма (А. Юшков, Л. Савулькин, Н. Одинг) пришли к выводу о по-

зитивном влиянии уровня децентрализации на экономический рост [25]. Е.Н. Сидорова и Д.А. Татаркин назвали децентрализацию источником инноваций и стимулом развития собственного финансового потенциала [26]. Зарубежные ученые выявили взаимосвязь между бюджетной децентрализацией по налогам и изменением теневой экономики [27], объемом региональных инвестиций [28] и производительностью труда [29]. Эти и другие работы демонстрируют высокую эластичность экономической эффективности по децентрализации, что объясняется главным образом ростом предельной полезности экономических агентов. Исследователи и экономисты-практики в научных трудах и публичных выступлениях неоднократно указывали на то, что обеспечение экономической безопасности государства осуществляется за счет централизации налоговых источников, что негативно сказывается на возможностях роста налогового потенциала территорий [30, 31]. В то же время согласимся с мнением ученых [32], что уровень децентрализации должен иметь некий предел во избежание обратного эффекта. В данном случае можно вспомнить рост проблем налогового администрирования и ухудшение территориальной инвестиционной привлекательности в 1996 г., когда в России существенно возросло число налоговых наименований вследствие предоставления региональным органам власти и органам местного самоуправления права введения собственных налогов.

Согласно российской модели фискального федерализма, весь объем налоговых поступлений региона подразделяется на регулирующие налоги (часть из них будет перечислена в бюджет другого уровня) и закрепленные¹ налоги (должны оседать в бюджете того уровня, на котором были собраны). Вопрос совокупного размера доли налоговых доходов, которая по результатам вертикального налогового выравнивания оседает в региональных бюджетах, не теряет своей актуальности со времен образования России как новой федерации.

Если обратиться к первой редакции российского бюджетного кодекса, то можно заметить стремление законодателей к подготовке главного бюджетного документа в соответствии с децентрализованными принципами фискального федерализма. В частности, Бюджетный кодекс в редакции 1998 г. подразу-

мевал необходимость 50-процентной доли налоговых доходов регионов в консолидированных налоговых доходах государства².

В современных нормативно-правовых актах данная проблематика стала затрагиваться менее буквально, однако более часто (например в предвыборных кампаниях, посланиях Президента Федеральному собранию, в официальных и альтернативных стратегиях социально-экономического развития страны). Так, авторы программы социально-экономического развития России до 2025 г. рассматривали низкую долю налоговых доходов в структуре местных и региональных бюджетов как тормоз стимулирования качественного экономического роста страны и предлагали осуществление налогово-бюджетного маневра по повышению доли налогов, остающихся в территориальных бюджетах³.

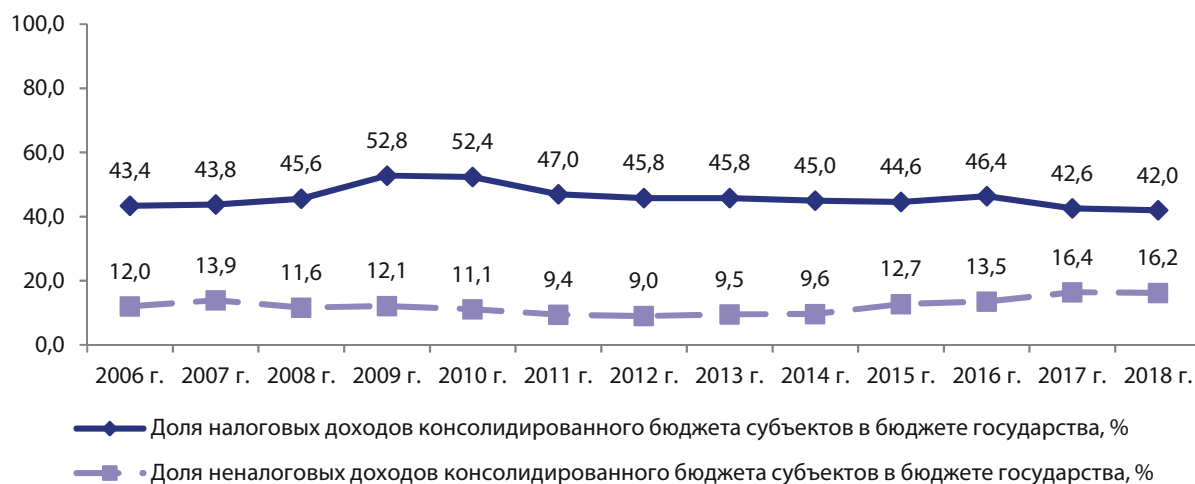
Среди итогов работы Санкт-Петербургского экономического форума в 2011–2013 гг. было инициирование формирования в Правительстве РФ рабочих групп по разработке предложений о передаче на региональный уровень 100 важных полномочий, влияющих на инвестиционный климат территорий. Однако речь шла о федеральных расходных обязательствах, передача региону которых ни разу с 2000 г. не сопровождалась полным финансовым обеспечением [34]. При этом в мировой практике принято использовать так называемое правило весов, когда ответственность территориальных властей становится формальной в условиях недостаточности ресурсов для обеспечения необходимого результата. Учитывается также и то, что превышение ресурсов приводит к не менее негативным последствиям, таким как, например, нецелевое использование. Академик А.И. Татаркин справедливо отметил, что полноценное бюджетное обеспечение полномочий территориальных органов власти консолидирует российское общество на пути к реиндустриализации [34].

Действительно, рост актуальности вопросов децентрализации, несомненно, назрел одновременно с необходимостью повышения роли, мотивации и ответственности каждого

² Статья 48. Регулирующие доходы бюджетов // Бюджетный кодекс РФ от 31.07.1998 № 145-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Проведение налоговой реформы, стимулирующей качественный экономический рост. Приложение к Среднесрочной программе социально-экономического развития России до 2025 г. «Стратегия роста». URL: <http://stolypinsky.club/wp-content/uploads/2017/03/11.-NALOGI-28.02.17-1.pdf> (дата обр. 05.02.2020).

¹ Закрепленными за региональным уровнем налогами являются налог на имущество организаций, транспортный налог и налог на игорный бизнес.

Рис. Доля собственных доходов бюджетов субъектов РФ в консолидированном бюджете РФ, % (источник: рассчитано по данным отчетности Казначейства России).

Fig. Proportion of revenues of the constituent entities in the consolidated budget of the Russian Federation, %

экономического агента в проведении системной модернизации в России. И это вызвано тем, что хозяйственные результаты эффективной региональной политики в централизованных условиях могут быть отражены в ракурсе сильнейшей демотивации. Так, на одном из научно-методических семинаров Совета Федерации был приведен пример исполнения бюджета г. Пикалёво Ленинградской области, где с одного рубля собранных налоговых доходов только 9 копеек оставалось в распоряжении местной администрации [35]. Как следствие, проявлялась низкая заинтересованность местных органов самоуправления привлекать инвестиции, поддерживать развитие бизнеса и наращивать собственные бюджетные доходы.

Г.Д. Поляк вывел обратную закономерность между степенью концентрации бюджетных средств в центральном бюджете и уровнем социально-экономического развития государства [36]. В определенных сферах централизация полномочий и источников их реализации оправдана. Речь идет в большей мере о недостатках излишней централизации, которая вынужденно ослабляет региональные и местные бюджетные системы, минимизирует местные инициативы и несет угрозу финансового иждивенчества [37].

В РФ сложились два противоположных теоретико-методологических подхода к пониманию пропорций распределения налоговых доходов между центром и регионами. В рамках симметрично-вертикального подхода пропорция 50 на 50 способна обеспечить устойчивость развития федеральной, региональной и муниципальной систем. Сторонники данного подхода (Е.М. Примаков, А.И. Татаркин и др.) причислили отказ от унитарно-федеративного принципа и пересмотра пропорции распределения налоговых доходов между центром и регионами к мерам минимизации существующих препятствий устойчивого развития России [34, 38]. Тогда как приверженцы ассиметрично-вертикального подхода (С.Д. Валентей и др.) к распределению налоговых доходов в пользу федерального центра видели бессмысленность корректировки налоговой вертикальной пропорции в условиях формирования доходной базы региональных бюджетов не на основе расходных полномочий [39].

ративного принципа и пересмотра пропорции распределения налоговых доходов между центром и регионами к мерам минимизации существующих препятствий устойчивого развития России [34, 38]. Тогда как приверженцы ассиметрично-вертикального подхода (С.Д. Валентей и др.) к распределению налоговых доходов в пользу федерального центра видели бессмысленность корректировки налоговой вертикальной пропорции в условиях формирования доходной базы региональных бюджетов не на основе расходных полномочий [39].

Данные и результаты исследования

Обобщенный вывод о пропорциях вертикального налогового распределения, которые сложились в Российской Федерации, можно сделать на основании сравнения долей федерального и субнациональных бюджетов в консолидированном бюджете страны (рис.). Заметна тенденция снижения доли региональных налоговых доходов с 52,8 % в 2009 г. до 42 % в 2018 г., на фоне которой выросла роль неналоговых доходов.

Фактически упомянутая норма 50 на 50 соблюдалась лишь в 1997 г., собственно, даже до принятия БК РФ (табл. 2). Очевидно, что сильное межтерриториальное неравенство, повлекшее масштабное бюджетное перераспределение, требует аккумулирования значительных ресурсов на федеральном уровне [40]. Вместе с тем, пример некоторых развитых федераций показывает, что центральная налоговая доля уступала по размеру территориальной.

Определение пропорции распределения налоговых доходов между федеральным центром и субнациональным уровнем позволит выя-

Таблица 2

Доля налоговых доходов федерального бюджета и консолидированных бюджетов субъектов Федерации в консолидированном бюджете некоторых федеративных государств, %*

Table 2

Proportion of tax revenues of the federal budget and consolidated budgets of the entities in the consolidated budget of some federal states, %

Страна, год	Доля налоговых доходов	
	федерального бюджета	региональных бюджетов
Швейцария, 2015 г.	31,7	68,3
Канада, 2018 г.	36,4	63,6
Российская Федерация, 1997 г.	44,2	55,8
ФРГ, 2018 г.	37,1	62,9
США, 2018 г.	48,3	51,7
Российская Федерация, 2018 г.	58,0	42,0

Составлено по данным Счетной палаты РФ и финансового статистического ежегодника МВФ.

* Уточним, что некоторые межстрановые различия в методиках расчета федеральных и территориальных налогов вряд ли кардинальным образом влияют на суть налогового вертикального распределения.

вить следующие детали формирования налогового потенциала территорий:

1) часть налогового потенциала территории, которая напрямую не участвует в экономическом росте и развитии его социальной сферы, поскольку становится объектом налоговой централизации;

2) вектор движения пропорции вертикального распределения налоговых доходов: в сторону роста территориальной налоговой конкуренции или уровня централизации;

3) особенности бюджетного состояния регионов с различными пропорциями вертикального налогового распределения.

Для исследования нами были оценены пропорции распределения налоговых доходов между федеральным центром и субъектами Российской Федерации и выделены шесть групп регионов исходя из соотношения перечисленных в федеральный бюджет и собранных на своих территориях налоговых доходов. К первой группе отнесены те субъекты РФ, в которых доля федеральных налоговых доходов составила свыше 50 %, ко второй — регионы с рассматриваемым показателем от 40 до 50 %, к третьей группе — от 30 до 40 %. Четвертая группа включила регионы со значением показателя в интервале от 20 до 30 %, пятая — от 10 до 20 %, шестая — менее 10 %. Расчет пропорции собранных в регионе налоговых доходов и перечисленных в федеральный центр проведен согласно действующим в России канонам бюджетно-налогового законодательства на основании данных официальной отчетности Федеральной налоговой службы.

Расчеты показали, что почти в 60 % российских регионов треть налогового потенциала используется в национальном масштабе,

то есть служит инструментом реализации федеральных приоритетов пространственного развития страны (табл. 3)¹.

Лонгитюдное исследование определило вектор на централизацию налоговых полномочий и источников (табл. 4). Так, за исследуемый промежуток времени треть регионов, ранее передававших от 20 до 30 % налоговых доходов в центр, перешла в группу регионов от 30 до 40 %. Также с 12 до 19 регионов расширилась группа тех, которые перечисляли в федеральный бюджет более половины собранных средств.

Территориальные диспропорции указали на преобладающую роль федеральных налогов в налоговых поступлениях регионов Уральского, Приволжского и Северо-Западного округов. За анализируемый период снижение доли перечисленных в федеральный бюджет налогов наблюдалось в Северо-Кавказском (на 10,7 %) и Дальневосточном округах (на 3,1 %). Для Сибирского, Южного и Центрального округов характерен тренд роста федеральных поступлений в пределах 1,6–14,2 % (табл. 5).

В результате перераспределения доходов в пользу федерального бюджета фактические среднедушевые доходы бюджетов субъектов Российской Федерации были в 2 раза меньше среднедушевых собранных доходов. Так, например, в предкризисный 2008 г. собранные доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ составили 100 тыс. руб. на душу населения, а после распределительных процедур — 44 тыс. руб., при действии нормы перерас-

¹ Отчеты о начислении и поступлении налогов, сборов, страховых взносов и иных обязательных платежей в бюджетную систему РФ // Федеральная налоговая служба. URL: https://www.nalog.ru/rn35/related_activities/statistics_and_analytics/forms/ (дата обр. 26.02.2020).

Таблица 3

Группы регионов по доле перечисленных в федеральный бюджет налоговых доходов из объема собранных налогов, 2018 г.*

Table 3

Groups of regions by the share of tax revenues transferred to the federal budget from collected taxes, 2018

Группа	Доля	Регионы	Количество регионов в группе
Первая	≥ 50 % собранных налогов перечисляется в федеральный бюджет	Респ. Коми, Томская обл., Калининградская обл., г. Санкт-Петербург, Ленинградская обл., Пермский край, Астраханская обл., Ненецкий АО, Удмуртская Респ., Респ. Башкортостан, Иркутская обл., Респ. Татарстан, Оренбургская обл., Самарская обл., Тюменская обл., Ханты-Мансийский АО — Югра, Ямало-Ненецкий АО, Саратовская обл., Красноярский край	19
Вторая	[40–50 %]	Волгоградская обл., г. Москва, Калужская обл.	3
Третья	[30–40 %]	Владимирская обл., Брянская обл., Краснодарский край, Московская обл., Респ. Калмыкия, Рязанская обл., Чувашская Респ., Курганская обл., Смоленская обл., Челябинская обл., Ярославская обл., Свердловская обл., Ставропольский край, Омская обл., Респ. Адыгея, Сахалинская обл., Респ. Саха (Якутия), Ростовская обл., Респ. Алтай, Респ. Марий-Эл, Пензенская обл., Ульяновская обл., Нижегородская обл. Респ. Мордовия	24
Четвертая	[20–30 %]	Архангельская обл., Новосибирская обл., Респ. Северная Осетия-Алания, Алтайский край, Белгородская обл., Воронежская обл., Ивановская обл., Костромская обл., Вологодская обл., Хабаровский край, Курская обл., Кировская обл., г. Севастополь, Респ. Крым, Орловская обл., Карачаево-Черкесская Респ., Мурманская обл., Респ. Дагестан, Тверская обл.	19
Пятая	[10–20 %]	Кабардино-Балкарская Респ., Новгородская обл., Тамбовская обл., Псковская обл., Респ. Ингушетия, Камчатская обл., Приморский край, Респ. Тыва, Кемеровская обл., Респ. Карелия, Респ. Хакасия	11
Шестая	<10 %	Чеченская Респ., Тульская обл., Респ. Бурятия	3

* Формирование групп не предполагает отрицательных значений показателя, поэтому не включены Еврейская АО и Чукотский АО, Липецкая, Амурская и Магаданская области, а также Забайкальский край.

Таблица 4

Распределение количества регионов по доле налоговых доходов, перечисленных в федеральный бюджет в общем объеме собранных на его территории

Table 4

Distribution of the number of regions by the share of tax revenues transferred to the federal budget from collected taxes

Год	Доля налоговых доходов, перечисленная в федеральный бюджет в общем объеме собранных на его территории					
	<10 %	[10–20 %]	[20–30 %]	[30–40 %]	[40–50 %]	≥ 50 %
2006	2	9	26	22	12	12
2007	2	12	25	21	8	13
2008	3	19	27	16	5	11
2009	7	25	22	10	7	7
2010	7	20	27	13	3	9
2011	8	17	25	15	5	10
2012	8	15	25	11	8	10
2013	6	14	24	11	8	12
2014	6	12	25	15	8	12
2015	8	11	27	16	8	13
2016	5	11	26	16	7	14
2017	4	11	25	21	6	18
2018	3↑	11↑	19↓	24↑	3↓	19↑

Рассчитано по данным отчетности Казначейства России.

Таблица 5

Динамика доли налоговых доходов, перечисленных в федеральный бюджет в общем объеме собранных на его территории, по федеральным округам

Table 5

Shares of tax revenues transferred to the federal budget in the total amount of collected taxes by the district

Федеральный округ	Доля налоговых доходов, перечисленных в федеральный бюджет, по годам												
	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Уральский	70,7	69,0	70,3	65,6	68,8	72,4	74,3	76,3	75,8	76,2	74,0	78,5	78,9↑
Приволжский	53,4	49,7	47,5	39,7	42,5	47,8	48,5	48,5	49,5	50,4	47,6	54,3	55,0↑
Северо-Западный	41,4	38,8	36,9	33,6	33,4	39,6	39,4	43,5	45,6	47,4	50,1	54,2	55,6↑
Сибирский	34,4	34,0	31,2	22,2	23,8	32,1	35,7	37,0	40,6	41,4	38,3	45,7	47,9↑
Южный	37,7	37,1	29,9	26,9	24,9	27,9	26,4	27,4	28,2	34,3	35,6	38,9	40,2↑
Центральный	37,9	44,1	35,0	34,7	34,6	36,5	37,3	35,7	36,5	38,4	36,9	38,3	41,0↑
Северо-Кавказский	37,7	33,6	29,1	22,6	21,6	20,5	20,8	22,1	22,8	24,1	27,4	27,3	27,0↓
Дальневосточный	25,2	26,0	22,8	21,3	23,6	25,1	17,4	8,6	23,3	23,0	20,5	22,5	22,1↓
Российская Федерация	42,3	41,5	37,8	33,3	34,2	37,7	37,5	37,4	40,3	41,9	41,3	45,0	46,0↑

Рассчитано по данным отчетности Федеральной налоговой службы, Казначейства России.

пределения «50 на 50» данное значение увеличилось бы до 67 тыс. руб. В восстановительный после кризиса 2011 г. данные значения равнялись соответственно 120, 54 и 90 тыс. руб. на душу населения. По нашим расчетам, норма перераспределения «50 на 50» позволяет повысить самообеспеченность регионов в 1,6 раза.

Что касается особенностей бюджетного состояния регионов с различными пропорциями вертикального налогового распределения, то дальнейшее исследование по выделенным группам регионов акцентируем на соотношении со следующими ключевыми параметрами, изменение которых прямо или косвенно отражается на налоговом потенциале: объем обратного финансового потока (трансфертами), уровень долговой нагрузки, степень бюджетной сбалансированности, темпы роста государственных расходов.

Сопоставляя встречные финансовые потоки (налоговое распределение из регионов и трансфертное перераспределение в регионы) можно выявить несколько интересных закономерностей относительно формирования налогового потенциала в регионах (рис. 2):

1. Среди регионов с долей отчислений в федеральный бюджет свыше 50 % больше тех, чей уровень зависимости от межбюджетных трансфертов ниже 10 % (14 из 19).

2. Для регионов с очень высокой зависимостью от межбюджетных трансфертов на исполнение собственных бюджетных полномочий (50–66 %) характерен средний уровень централизации налоговых поступлений (7,5–35 %).

3. В 11 регионах налоговые изъятия в федеральный центр были примерно сопоставимы с размером дотаций и субсидий из федерального центра.

4. Матрица, построенная на рисунке 2, демонстрирует смещение расположения регионов в квадрант с наибольшим уровнем централизации налоговых поступлений и наименьшим уровнем трансфертозависимости.

Следует отметить, что в первую группу регионов с отношением объема перечисленных в федеральный бюджет налоговых доходов к сумме собранных налогов более 50 % вошли в основном регионы с мощным сырьевым потенциалом. Наиболее высокие значения перечисленных в федеральный бюджет налогов в данной группе наблюдались в Ханты-Мансийском (в 2018 г. — 89,7 %) и Ямало-Ненецком (82,8 %) автономных округах. Самый низкий показатель отмечен в Республике Башкортостан (50,7 %). Примечательно, что эта группа характеризуется практически сбалансированным бюджетом (табл. 6).

Среднее отношение дефицита бюджета к объему налоговых и неналоговых доходов по группе составило 0,6 %. В то же время показатель отношения государственного долга к объему налоговых и неналоговых доходов составил 32,9 %, что превысило среднероссийские показатели для этого периода. Кроме того, это самый высокий показатель среди сформированных групп. С определенной долей условности он указывает на решение задачи сбалансированности бюджета за счет активной долговой политики и перспективой сдерживания бюджетных расходов.

Группы со второй по пятую демонстрировали следующую закономерность: чем меньше доля перечисленных в федеральный бюджет из общего объема собранных налоговых доходов, тем ниже долговая нагрузка и выше темп прироста бюджетных расходов. При этом по-

Критерии классификации	Уровень зависимости региона от финансовой помощи из федерального центра, в % к объему совокупных доходов*					
	50%	[40-50%)	[30-40%)	[20-30%)	[10-20%)	<10%
50%				Республика Саха (Якутия), Республика Марий-Эл, Республика Адыгея, Чувашская Республика, Пензенская область, Ставропольский край	Республика Мордовия Краснодарский край, Рязанская область, Ульяновская область, Смоленская область, Ростовская область, Владимирская область, Омская область	г. Санкт-Петербург, Республика Коми, Республика Татарстан, Ямало-Ненецкий АО, Ненецкий АО, Ханты-Мансийский АО, Тюменская область, Калининградская область, Саратовская область, Пермский край, Астраханская область, Оренбургская область, Иркутская область, Самарская область
[40-50%)					Волгоградская область	г. Москва, Калужская область
[30-40)	Республика Алтай	Республика Калмыкия, Курганская область, Брянская область				Московская область, Сахалинская область, Ярославская область, Свердловская область, Челябинская область, Нижегородская область
[20-30)	Республика Крым, Республика Дагестан, г. Севастополь, Карачаево-Черкесская Республика	Республика Северная Осетия-Алания		Орловская область, Алтайский край, Кировская область, Ивановская область	Хабаровский край, Тверская область, Белгородская область, Воронежская область, Костромская область, Архангельская область, Курская область	Мурманская область, Вологодская область, Новосибирская область
[10-20)	Республика Тыва, Республика Ингушетия, Камчатская область	Кабардино-Балкарская Республика	Тамбовская область	Республика Карелия, Псковская область	Новгородская область, Приморский край, Республика Хакасия	Кемеровская область
<10	Чеченская Республика	Республика Бурятия				Тульская область

* В объеме финансовой помощи учитывались только формализовано распределяемые трансферты, которые предоставляются на реализацию собственных полномочий.

Рис. 2. Матрица российских регионов в разном направлении потоков финансовых ресурсов за 2018 г. (источник: составлено по данным отчетности ФНС и Казначейства России)

Fig. 2. Matrix describing the interbudgetary financial flows in Russian regions for 2018

Средние показатели объема перечисленных в федеральный бюджет налоговых доходов и характеристики бюджетной системы по группам регионов, 2018 г.

Average indicators of tax revenues transferred to the federal budget and characteristics of the budget system by groups of regions, 2018

Группа	Среднее отношение объема перечисленных в федеральный бюджет налоговых доходов и суммы собранных налогов по группе	Среднее отношение дефицита бюджета к объему налоговых и неналоговых доходов по группе	Среднее отношение государственного долга к объему налоговых и неналоговых доходов по группе	Средний темп роста расходов бюджета по группе
1	64,1	-0,6	32,9	106,4
2	42,3	-1,2	32,5	107,1
3	34,4	-2,1	32,3	107,5
4	26,1	-3,4	29,1	107,7
5	15,1	-3,6	28,4	108,6
6	6,4	-4,5	32,5	109,1
Среднее значение	31,4	-2,6	31,3	107,7

казатель дефицита находится на экономически безопасном уровне (в пределах 4 %) и свидетельствует о возможностях маневра в сторону бюджета развития. Шестая группа с минимальными сборами федеральных налогов показала наибольший дефицит бюджетной системы, прирост бюджетных расходов и уровень долговой нагрузки, сопоставимый с первой группой.

Вертикальное перераспределение налогов, при котором результат повышения эффективности регионального и муниципального управления в вопросе развития налогового потенциала все равно поступает в федеральный бюджет, становится определенного рода дестимулированием для регионов с преобладанием федеральных налогов в формировании налогового потенциала. Кроме того, положительные тенденции в развитии экономик ряда субъектов Российской Федерации в результате перераспределения доходов не приводили к соответствующему росту бюджетной обеспеченности и не создали заинтересованности регионов в дальнейшем развитии. Даже в так называемый «тучный» 2008 г. рейтинг региона по взаимосвязанным показателям «объем ВРП на душу населения» и «объем подушевых бюджетных доходов» существенно различался. Например, Республика Коми по ВРП находилась на 5-м месте в стране, по доходам — на 16-м; Ленинградская область — на 16-м и 25-м местах соответственно.

Неслучайно по опросу фонда «Общественное мнение» [41] половина опрошенных считают, что жизнь в регионе в основном зависит

от действий федеральной власти и только 28 % респондентов — от региональной. Россияне понимают, что основные решения принимаются на федеральном уровне, поэтому половина респондентов уверены, так и должно быть. В данных суждениях можно увидеть некий патернализм или даже убеждение, что власть — это те, кто обязан опекать и обеспечивать общественными благами. И если этого не происходит на желаемом уровне, то резко ухудшаются общественные настроения и доверие к власти. Не секрет, что чрезмерная опека приводит к развитию иждивенчества. Получается, что федеральный центр, выстраивая ограничительные рамки для региональных властей, обретает смещенный резонанс от конечного потребителя общественных благ.

Выводы

Подведем некоторые итоги проведенного исследования. Стоит отметить, что часть выявленных выше закономерностей в большей степени ставит вопросы, нежели дает ответы. Но при проведении типологизации регионов все же просматривается ряд тенденций.

Во-первых, расчеты показали, что почти в 53 % российских регионов треть налогового потенциала используется в национальном масштабе, то есть служит инструментом реализации федеральных приоритетов пространственного развития страны.

Во-вторых, в исследуемом периоде 2006–2018 гг. наблюдается смещение вектора на централизацию налоговых полномочий и источников: для регионов с очень высокой зависи-

мостью от перечислений из федерального бюджета дотаций и субсидий (порядка 50–65 %) характерен средний уровень централизации налоговых поступлений (7,5–35 %); в некоторых российских регионах налоговые изъятия в федеральный центр примерно сопоставимы с размером дотаций и субсидий из федерального центра, что указывает на сложный встречный характер межбюджетных финансовых потоков; среди регионов с высокой долей отчислений в федеральный бюджет (свыше 50 %) преобладают практически трансфертонезависимые территории с уровнем дотационности менее 10 %.

В-третьих, при исследовании особенностей бюджетного состояния регионов с различными пропорциями вертикального налогового рас-

пределения выяснено, что наилучшие бюджетные показатели (уровень долговой нагрузки менее 30 %, уровень дефицитности бюджета менее 4 %, рост бюджетных доходов 7–9 %) присущи группам регионов с долей централизации налоговых доходов в пределах 15–30 %. При большем или меньшем значениях сокращаются возможности роста бюджетных расходов, возрастает уровень дефицитности или долговой нагрузки.

Таким образом, проведенные в статье расчеты и сделанные выводы о размерах так называемой умеренной децентрализации могут быть использованы органами государственной власти при совершенствовании существующих налоговых механизмов стимулирования регионального и муниципального развития.

Список источников

1. Финансовое обеспечение развития северных регионов / Под науч. ред. Г. В. Кобылинской. Апатиты : Изд-во КНЦ РАН, 2016. 193 с.
2. Караваева И. В. Налоги в контексте российской реиндустриализации, или возвращение к истокам политической экономики // Экономическое возрождение России. 2015. № 3(45). С. 76–92.
3. Лушникова М. В., Лушников А. М. Российская школа финансового права. Портреты на фоне времени. Ярославль : ЯрГУ, 2013. 800 с.
4. Горлов И. Я. Теория финансов. Казань : Университетская тип., 1841. 339 с.
5. Seligman E. The Shifting and Incidence of Taxation. London : MACMILLAN & CO., LTD, 1899. 334 p.
6. Keynes J. M. The General Theory of Employment, Interest and Money. 1936. p. 352.
7. Samuelson P. The Development of Economic Thought. NY : Wiley. 1952. 767 p.
8. Ольховик В. В. Возможности развития налогового потенциала субъектов Российской Федерации // Экономика региона. 2019. Т. 15, вып. 3. С. 938–951.
9. Синельников-Мурылев С., Кадочников П., Идрисов Г. Налог на прибыль предприятий. Анализ реформы 2001 г. и моделирование налогового потенциала регионов. Москва : Ин-т Гайдара, 2011. 180 с.
10. Weiss L. W. Advertising, Profits, and Corporate Taxes // The Review of Economics and Statistics. Nov. 1969. Vol. 51, No. 4. P. 421–430. DOI: <https://doi.org/10.2307/1926433>.
11. Bird R. M., Martinez-Vazquez J., Torgler B. Societal institutions and tax effort in developing countries // IMF Working Paper, 2004.
12. Musgrave R. A. The Theory of Public Finance. New York : McGraw Hill, 1959. 628 p.
13. Sharma C. K. The Federal Approach to Fiscal Decentralisation: Conceptual Contours for Policy Makers // Loyola Journal of Social Sciences. 2005. Vol. XIX, No. 2. P. 178. URL: https://mpr.ub.uni-muenchen.de/178/1/MPRA_paper_178.pdf (дата обращения: 05.02.2020).
14. Пинская М. П. Гармонизация налоговых отношений в федеративном государстве : дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.10. Москва, 2010. 397 с.
15. Пугачев А. А. Развитие налогового потенциала региона в рамках совершенствования налогового федерализма : дис. ... канд. экон. наук: 08.00.10. Москва, 2018. 177 с.
16. Добрынин Н. М. Российский федерализм. Генезис, эволюция: избранные публикации: в 2-х т. Т. 2. Новосибирск : Наука, 2008. 494 с.
17. Добрынин Н. М. Федерализм: историко-методологические аспекты. Новосибирск : Наука, 2005. 368 с.
18. Пешина Э. В., Стрекалова А. А. Фискальный и бюджетный федерализм. Две системы управления публичными финансами // Финансовая аналитика. Проблемы и решения. 2016. № 11 (293). С. 34–52.
19. Пешина Э. В., Стрекалова А. А. Два поколения фискального федерализма. Взаимосвязь развития // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2015. № 18 (252). С. 42–59.
20. Печенская М. А., Ускова Т. В. Межбюджетное распределение налогов в России. Концентрация полномочий или децентрализация управления // Экономика региона. 2016. Т. 12, вып. 3. С. 875–886. DOI: <https://doi.org/10.17059/2016-3-22>.
21. Intergovernmental fiscal transfers: principles and practice / ed. by R. Boadway, A. Shah. The World Bank, Washington D. C., 2007. 624 p.
22. Сильва М. Де., Курляндская Г. В. Развитие бюджетного федерализма. Международный опыт и российская практика. Москва : Весь мир, 2006. 464 с.

23. Tiebout C. A. A pure Theory of Local Expenditures // *The Journal of Political Economy*. 1956. Vol. 64, No. 5. P. 416–424.
24. Oates W. An essay on fiscal federalism // *Journal of Economic Literature*. 1999. Vol. 37, No. 3. P. 1120–1149.
25. Юшков А., Одинг Н., Савулькин Л. Судьбы российских регионов-доноров // *Вопросы экономики*. 2017. № 9. С. 83–97. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-9-63-82>.
26. Сидорова Е. Н., Татаркин Д. А. Финансовый потенциал повышения конкурентоспособности муниципальных образований // *Экономика региона*. 2007. № 4 (12). С. 68–84.
27. Duncan D., Peter K. S. Switching on the Lights: Do Higher Income Taxes Push Economic Activity into the Shade? // *National Tax Journal*. 2014. No. 67(2). P. 321–350. DOI: [dx.doi.org/10.17310/ntj.2014.2.02](https://doi.org/10.17310/ntj.2014.2.02).
28. Grubert H., Mutti J. Do taxes influence where US corporations invest? // *National Tax Journal*. 2000. No. 53 (4). P. 825–840. DOI: <https://doi.org/10.17310/ntj.2000.4.02>.
29. Yang S.-C. S. Do Capital Income Tax Cuts Trickle Down? // *National Tax Journal*. 2007. No. 60 (3). P. 551–567. DOI: <https://doi.org/10.17310/ntj.2007.3.13>.
30. Некипелов А. Д. Кризис в России. Логика развития и варианты экономической политики // *Общество и экономика*. 2009. № 8–9. С. 5–21.
31. Система мер по восстановлению экономического роста в России / В. В. Ивантер, О. Дж. Говтвань, М. С. Гусев, М. Ю. Ксенофонтов, Д. Б. Кувалин и др. // *Проблемы прогнозирования*. 2018. № 1. С. 3–9.
32. Михайлова А. А., Климанов В. В., Сафина А. И. Влияние межбюджетных трансфертов на экономический рост и структуру региональной экономики // *Вопросы экономики*. 2018. № 1. С. 91–103. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-1-91-103>.
33. Breton A. An Introduction to Decentralization Failure. Department of Economics, University of Toronto and International Centre. 2000. P. 7–10.
34. Татаркин А. И. Диалектика государственного и рыночного регулирования социально-экономического развития регионов и муниципалитетов // *Экономика региона*. 2014. № 1. С. 9–33. DOI: <https://doi.org/10.17059/2014-1-1>.
35. Столяров О. И. Повышение эффективности управления региональными бюджетами // *Об устойчивости региональных бюджетов. Аналитический вестник Совета Федерации*. 2017. № 9 (666). С. 21–27.
36. Бюджетная система России / Под ред. Г. Д. Поляка. 2-е изд. перераб. и доп. Москва: Юнити-Дана, 2009. С. 47.
37. Родионова В. М. Совершенствование бюджетного законодательства — необходимое условие осуществления преобразований в бюджетной сфере России // *Финансы и кредит*. 2006. № 2. С. 2–9.
38. Примаков Е. М. Важнейшая проблема экономической политики // *Российская газета*. 2014. № 6383 (111). URL: <https://rg.ru/2014/05/20/primakov.html> (дата обращения: 05.03.2020).
39. Валентей С. Д. Распределение налоговых доходов между федеральным и субфедеральным уровнями: научно-методический семинар Аналитического управления аппарата Совета Федерации, 20.01.2017 // *Устойчивость региональных бюджетов. Аналитический вестник Совета Федерации*. 2017. № 4. С. 17–21.
40. Pechenskaya M. A. Development of Interbudgetary relations in Russia in 2000–2015 // *Studies on Russian Economic Development*. 2017. Vol. 28. No. 2. P. 213–224. DOI: <https://doi.org/10.1134/S1075700717020083>.
41. Горяшко С. Граждане РФ не понимают слова «федерация» и страдают от невнимания государства // *Коммерсантъ*. 2014. № 5 (17.01.2014). С. 2. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2385287> (дата обращения: 10.03.2020).

References

1. Kobylinsky, G. V. (Ed.) (2016). *Financial support to development of the Northern regions*. Apatity: Publishing House of KSC RAS, 193. (In Russ.)
2. Karavaeva, I. V. (2015) Taxes in the context of Russia's reindustrialization or a return to the origins of political economy. *Ekonomicheskoe vrozozhdenie Rossii [Economic Revival of Russia]*, 3(45), 76–92. (In Russ.)
3. Lushnikova, M. V. & Lushnikov, A. M. (2013). *Rossiyskaya shkola finansovogo prava: portrety na fone vremeni [Russian School of Financial Law: Portraits Against the Background of Time]*. Yaroslavl: Yaroslavl State University, 800. (In Russ.)
4. Gorlov, I. Ya. (1841). *Teoriya finansov [Theory of Finance]*. Kazan: Universitetskaya tipografiya, 333. (In Russ.)
5. Seligman, E. (1899). *The Shifting and Incidence of Taxation*. London: Macmillan & Co., LTD, 334.
6. Keynes, J. M. (1936). *The General Theory of Employment, Interest and Money*. Palgrave Macmillan: 352.
7. Samuelson, P. (1952). *The Development of Economic Thought*. NY: Wiley. p. 767.
8. Olkhovik, V. V. (2019). The Possibilities for Developing the Tax Potential of the Constituent Entities of the Russian Federation. *Ekonomika regiona [Economy of region]*, 15(3), 938–951. (In Russ.)
9. Sinelnikov-Murylev, S., Kadochnikov, P. & Idrisov, G. (2011). *Corporate Income Tax: Analysis of 2001 Reform and Modelling of Tax Potential of the Regions*. M.: Institute of Gaidar, 180. (In Russ.)
10. Weiss, L. W. (1969). Advertising, Profits, and Corporate Taxes. *The Review of Economics and Statistics*, 51(4), 421–430. DOI: <https://doi.org/10.2307/1926433>.
11. Bird, R. M., Martinez-Vazquez, J. & Torgler, B. (2004). *Societal institutions and tax effort in developing countries*. IMF Working Paper, 49.
12. Musgrave, R. A. (1959). *The Theory of Public Finance*. New York: McGraw Hill, 480.

13. Sharma, C. K. (2005). The Federal Approach to Fiscal Decentralisation: Conceptual Contours for Policy Makers. *Loyola Journal of Social Sciences*, XIX(2). Retrieved from: http://mpra.ub.uni-muenchen.de/178/1/MPPA_paper_178.pdf. (Date of access: 05.02.2020).
14. Pinskaya, M. R. (2010). *Garmonizatsiya nalogovykh otnosheniy v federativnom gosudarstve : dis. ... d-ra ek. nauk: 08.00.10 [Harmonization of tax relations in a federal state: Thesis of Dr. Sci. (Econ.) 08.00.10]*. Moscow, 397. (In Russ.)
15. Pugachev, A. A. (2018). *Razvitie nalogovogo potentsiala regiona v ramkakh sovershenstvovaniya nalogovogo federalizma : dis. ... k-ta ekon. nauk: 08.00.10. [The development of the tax potential of the region in the framework of improving tax federalism: Thesis of Dr. Sci. (Econ.) 08.00.10]*. Moscow, 177. (In Russ.)
16. Dobrynin, N. M. (2008). *Rossiyskiy federalizm: genezis, evolyutsiya: izbrannye publikatsii: v 2-kh t. T. 2 [Russian federalism: genesis, evolution: selected publications: in 2 volumes Vol. 2]*. Novosibirsk: Nauka, 494. (In Russ.)
17. Dobrynin, N. M. (2005). *Federalizm: istoriko-metodologicheskie aspekty [Federalism. The historical and methodological aspects]*. Novosibirsk: Nauka, 368. (In Russ.)
18. Peshina, E. V. & Strekalova, A. A. (2016). Fiscal and budgetary federalism: two systems for public financial management. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya [Financial Analytics: Science and Experience]*, 11(293), 34–52. (In Russ.)
19. Peshina, E. V. & Strekalova, A. A. (2015). Two generations of fiscal federalism: interconnection within the development process. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya [Financial Analytics: Science and Experience]*, 18(252), 42–59. (In Russ.)
20. Pechenskaya, M. A. & Uskova, T. V. (2016). Interbudgetary Distribution of Taxes in Russia: Concentration of Power or Management Decentralization. *Ekonomika regiona [Economy of Region]*, 12(3), 875–886. DOI: 10.17059/2016–3-22(In Russ.)
21. Boadway, R. & Shah, A. (Eds.) (2007). *Intergovernmental fiscal transfers: principles and practice*. The World Bank, Washington D.C., 624.
22. Silva, M. De. & Kurylyandskaya, G. V. (2006). *Razvitie byudzhnogo federalizma: mezh-dunarodnyi opyt i rossiyskaya praktika. [Development of fiscal federalism: international experience and Russian practice]*. Moscow: Ves mir, 464. (In Russ.)
23. Tiebout, C. A. (1956). A pure Theory of Local Expenditures. *The Journal of Political Economy*, 64(5), 416–424.
24. Oates, W. (1999). An essay on fiscal federalism. *Journal of Economic Literature*, 37(3), 1120–1149.
25. Yushkov, A., Oding, N. & Savulkin, L. (2017). The trajectories of donor regions in Russia. *Voprosy ekonomiki*, 9, 83–97. DOI: 10.32609/0042–8736–2017–9-63–82(In Russ.)
26. Sidorova, E. N. & Tatarin, D. A. (2007). The financial potential of increasing the competitiveness of municipalities. *Ekonomika regiona [Economy of Region]*, 4(12), 68–84. (In Russ.)
27. Duncan, D. & Peter, K. S. (2014). Switching on the Lights: Do Higher Income Taxes Push Economic Activity into the Shade? *National Tax Journal*, 67(2), 321–350. DOI: 10.17310/ntj.2014.2.02.
28. Grubert, H. & Mutti, J. (2000). Do taxes influence where US corporations invest? *National Tax Journal*, 53(4), 825–840. DOI: 10.17310/ntj.2000.4.02.
29. Yang, S.-C. S. (2007). Do Capital Income Tax Cuts Trickle Down? *National Tax Journal*, 60(3), 551–567. DOI: 10.17310/ntj.2007.3.13.
30. Nekipelov, A. D. (2009). Crisis in Russia: logic of development and alternatives of economic policy. *Obshchestvo i ekonomika [Society and Economy]*, 8–9, 5–21. (In Russ.)
31. Ivanter, V. V., Govtvan, O. D., Gusev, M. S., Ksenofontov, M. Y., Kuvalin, D. B., Moiseev, A. K., ... Shirov, A. A. (2018). System of measures to recovery of economic growth in Russia. *Problemy prognozirovaniya [Studies on Russian Economic Development]*, 1, 3–9. (In Russ.)
32. Mikhaylova, A. A., Klimanov, V. V. & Safina, A. I. (2018). The impact of intergovernmental fiscal transfers on economic growth and the structure of the regional economy. *Voprosy ekonomiki*, 1, 91–103. DOI: 10.32609/0042–8736–2018–1-91–103. (In Russ.)
33. Breton, A. (2000). *An Introduction to Decentralization Failure*. Department of Economics, University of Toronto and International Centre, 7–10.
34. Tatarin, A. I. (2014). Dialectics of public and market regulation of a region and municipality socio-economic development. *Ekonomika regiona [Economy of Region]*, 1, 9–33. DOI: 10.17059/2014–1-1. (In Russ.)
35. Stolyarov, O. I. (2017). Improving the management of regional budgets. *Ob ustoychivosti regionalnykh byudzhetov: analiticheskiy vestnik Soveta Federatsii*, 9(666), 21–27. (In Russ.)
36. Polyak, G. D. (Ed). (2009). *Byudzhnaya sistema Rossii. 2-e izd. pererab. i dop [The budget system of Russia. 2nd ed. revised and expanded]*. Moscow: UNITY-DANA, 47. (In Russ.)
37. Rodionova, V. M. (2006). Improving budget legislation is a necessary condition for implementing reforms in the budget sphere of Russia. *Finansy i kredit [Finance and Credit]*, 2, 2–9. (In Russ.)
38. Primakov, E. M. (2014). The most important problem of economic policy. *Rossiyskaya gazeta*, 6383(111). Retrieved from: <https://rg.ru/2014/05/20/primakov.html> (Date of access: 05.03.2020). (In Russ.)
39. Valentei, S. D. (2017). Distribution of tax revenues between the federal and sub-federal levels. *Ob ustoychivosti regionalnykh byudzhetov: analiticheskiy vestnik Soveta Federatsii*, 9(666), 17–19. (In Russ.)
40. Pechenskaya, M. A. (2017). Development of Interbudgetary relations in Russia in 2000–2015. *Studies on Russian Economic Development*, 28(2), 213–224. DOI: 10.1134/S1075700717020083.

41. Goryashko, S. (2014). Citizens of the Russian Federation do not understand the word “federation” and suffer from the state’s inattention. *Kommersant*, 5(01/17/2014). Retrieved from: <https://www.kommersant.ru/doc/2385287> (Date of access: 10.03.2020). (In Russ.)

Информация об авторе

Печенская-Полищук Мария Александровна — кандидат экономических наук, заведующий лабораторией исследования проблем развития общественных финансов, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук; Researcher ID: I-6618–2016, <https://orcid.org/0000-0002-6067-2103> (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: marileen@bk.ru)

About the author

Mariya A. Pechenskaya-Polishchuk — Cand. Sci. (Econ.), Head of the Laboratory, Senior Research Associate, Vologda Research Center of RAS; Researcher ID: I-6618–2016, <https://orcid.org/0000-0002-6067-2103> (56a, Gorkogo St., Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: marileen@bk.ru)

Дата поступления рукописи: 23.12.2019.

Прошла рецензирование: 07.02.2020.

Принято решение о публикации: 23.03.2021.

Received: 23 Dec 2019

Reviewed: 07 Feb 2020

Accepted: 23 Mar 2021